

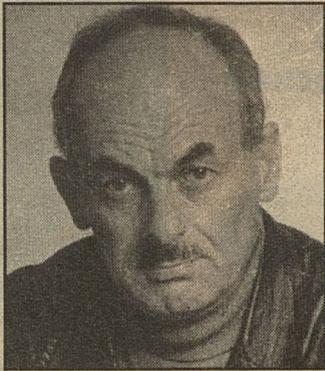
Помним

Веч. Клуб. - 1997. - 24 июля. -

Сорок дней без Окуджавы

с. 2.

Но для тех, кто его любил, он будет всегда. Сегодня мы предлагаем читателям отрывки из его выступлений разных лет.

О шестидесятниках

Господи, как надоела свара вокруг шестидесятников! Какое множество ожесточенных суждений. Какое разнообразие темпераментов — от самонадеянного брюзжания до истерического хамства. Какие вы скучные, господа!..

А кто же такие эти злополучные шестидесятники? Это что, поколение? Генерация? Толпа из шестидесятых годов? Это, как ни странно, совсем крохотная горстка людей, прозревших в годы оттепели раньше других и рискнувших воспламенить давно угасшую свечу. Не костер, не мощное пламя до небес, а всего лишь свечу. Это люди, оказавшиеся способными в отличие от других совершить пусть и не выдающиеся, но все же общественно значимые поступки. Не подвиги, нет, а просто поступки...

Шестидесятник Евтушенко опубликовал стихи "Наследники Сталина" и "Бабий яр", вызвавшие бурю в обществе, а в трагические для Чехословакии да и для нас дни пустил по рукам стихотворение "Танки идут по Праге". И это по тем временам, именно по тем, был поступок. Безвестный ученый Сахаров написал и сделал предметом общественного достояния свой знаменитый меморандум. И это тоже был поступок шестидесятника. Александр Гинзбург собрал и обнародовал документы о преступном использовании психиатрии в нашей стране — "Белую книгу"... А взрыв, произведенный Солженицыным? А Буковский? А Галич? А Синявский и Даниэль? И многие другие, чьи слова и поступки выработывали совершенно новый климат в обществе?

Нет, нет, господа судьи, умерьте ваш гнев, а если он слишком распален, попробуйте все-таки оборотить его на себя самих, а иначе может создаться впечатление, что, во-первых, гнев ваш — результат комплекса неполноценности, с которым вы не можете совладать и который возник оттого, что вам пока никак не удается совершить достойный, общественно значимый поступок или создать что-нибудь прекрасное, угодное человечеству. По этому поводу, кстати, лет тридцать назад ходило по рукам четверостишие:

**Чтобы известным стать,
не надобно горенье,
а надо обос...ть
известное творенье.**

Ну вот, если вместо "творенье" вставить "шестидесятники", оно и получится.

О лакеях

Сию недавно на представительном собрании. В Москве. Собрание писателей. Все собравшиеся — творческие работники, все, подразумевается, интеллигенты. Обсуждаются важные для нас вопросы. Выступает первый секретарь правления Владимир Карпов. С чем-то я согласен, с чем-то не могу согласиться. Все, как обычно. Знаю, сейчас начнутся прения, и с ним крепко поспорят. Но внезапно из середины зала раздается истошный крик. Кто-то кричит иступленно о своем несогласии. Лица ожесточенные, интонации лагерные. Инженеры человеческих душ. Интеллигенты? Нет, нет, что-то здесь не так. Предназначение и инструмент не соответствуют друг другу.

Другой докладчик (главный редактор "Литгазеты" Федор Бурлацкий) просил и так и эдак: "Дайте же мне досказать. Ну товарищи... да дайте мне еще два слова". Но товарищи не дали.

Вечером в писательском ресторане они сидели за столиком, пили и говорили один другому:

"Старик, ты гений! А этим надо промеж глаз, пусть знают".

И вот оскорбленный В. Карпов покинул собрание, Ф. Бурлацкий был смят, и тогда председательское место занял опытный Сергей Михалков. Тут снова заорали жадующие известности и даже славы. Особенно один. И тогда, что было совершенно неожиданно, председательствующий заорал на этого на самого, и крикун... примолк.

Тут я немного отвлекусь, потому что вспомнил интересный эпизод из русской истории. Однажды в сороковых годах прошлого века император Николай I приехал в город Ярославль и держал речь в Дворянском собрании. Сказал он следующее: "Мне нравится, как идут дела в нашем отечестве. Все классы работают рука об руку. Первый класс — это класс дворянства, хранитель наших устоев, второй класс — это класс духовенства, соблюдающий наше православие, третий класс — это класс купечества, приумножающий наши богатства, четвертый класс — это класс крестьянства, кормящий нас хлебом насущным... Но есть один класс, к которому я отношусь с подозрением и недоброжелательством. Это класс лакеев..." Не дурак был Николай Павлович. И подразумевал он под лакеями именно хамов, жлобов, холуев и прохиндеев, ибо они страшны в толпе.

О песнях

Иногда спрашивают: что, "Молитва Франсуа Вийона" это действительно перевод французского поэта XV века? Вийон абсолютно ни при чем. Моя жена Оля заболела, лежала в больнице. Мне хотелось сделать ей что-то приятное, я написал эти стихи для нее. А потом, когда хотел их напечатать, мне говорят: "Слушай, нельзя их печатать, тут же в каждом четверостишии: "Бог", "Бог"... Ну а когда я приписал их Вийону (за что искренне прошу у него прощения), стихи напечатали: "Вийон имел право обращаться к Богу".

Когда-то я записал строчку "Виноградную косточку в теплую землю зарю". Она мне понравилась. Я стал искать к ней смысл. Получилось восемь строк. И рефрен был: "А иначе зачем на Земле этой вечной живу". Но законченности не было.

Потом я ездил в Ленинград. В гостинице встретился со своим приятелем Михаилом Квливидзе, грузинским поэтом. Он жил в соседнем номере. Как-то утром ко мне постучали. Вошла девочка лет тринадцати, грузинка. На ломаном русском сказала, что пишет стихи. Я взял их — они на грузинском. А я грузинский не знаю настолько, чтобы рассуждать о стихах. Говорю ей: "Вы знаете, здесь в соседнем номере живет грузинский поэт". Мы пошли к Михаилу, он посмотрел стихи, все ей объяснил. Я спросил, как ее зовут. Ее звали Дали.

Она ушла. У меня появилась строчка, появились атрибуты грузинские. Мише понравилось это стихотворение. Я посвятил его Квливидзе и назвал "Грузинская песня". А потом появилось желание сочинить мелодию. Сочинил. Вот и все. Прошли годы, та девочка стала профессиональным поэтом.

О времени

Наше общество можно сравнить с резвой лошадью, которую со дня рождения держали на привязи и вдруг эти постромки обрезали. Почувствовав свободу, лошадка, взбрыкивая, тараша глаза и разинув рот, помчалась, толча все вокруг, ничего не соображая. Но потом устала, ей захотелось есть, она остановилась и начала щипать травку.

Так и все мы — летим сейчас галлопом, не понимая толком, куда и для чего. Но потом, когда придем в себя, возникнут потребности и в романтике. Я не сомневаюсь, что все со временем встанет на свое место.

Возможно, то, что я написал, через некоторое время и зазвучит по-новому. А сегодня, думается, для основной части общества нужно что-то другое, более резкое, более конкретное и доступное. У меня же никогда не было очень много настоящих почитателей. Это всегда был небольшой круг интеллигенции, остальные — просто любопытствовали.